

Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов
Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения
Российской академии наук,
Институт гуманитарных исследований
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ в 2022 году

ЕЖЕГОДНЫЙ ДОКЛАД
СЕТИ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

Под ред. В. А. Тишкова, А. В. Черных

Пермь
2023

УДК 323.1(470)
ББК 66.3(2Рос),5
Э91

Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения
конфликтов (EAWARN)

Директор сети –
академик **Валерий Александрович Тишков**

Ответственный редактор тома –
член-корреспондент РАН **Александр Васильевич Черных**

Этнополитическая ситуация в Российской Федерации 2022 году.
Э91 Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего
предупреждения конфликтов / Ред. *В. А. Тишков, А. В. Черных*. Пермь:
Изд-во «Маматов», 2023. – 464 с.

В докладе сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов представлены результаты изучения этнополитической ситуации в регионах Российской Федерации.

Аналитический обзор основных тенденций дается по системе индикаторов общественно-политического развития и состояния межэтнических отношений по отдельным регионам страны. В статьях рассмотрены также особенности проведения Всероссийской переписи населения, миграционные процессы в регионах России, особенности идентичности, этнодемографических процессов и межнациональных отношений.

Для специалистов в области межнациональных отношений.

УДК 323.1(470)
ББК 66.3(2Рос),5

*Материалы публикуются в авторской редакции
и отражают личные оценки авторов*

ISBN 978-5-91076-267-5

© Сеть этнологического мониторинга
и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), 2023
© ООО «Маматов», оформление, 2023

НКО и власть: взаимодействие в сфере адаптации и интеграции мигрантов (на примере Томска и Иркутска)¹

Объектом государственной (федеральной и региональной) миграционной политики России проблемы адаптации мигрантов, их взаимодействия с городским пространством и местными сообществами становятся с принятием в 2012 г. двух концептуально важных документов: «Стратегии государственной национальной политики» и «Концепции государственной миграционной политики»² до 2025 г. Впервые в числе основных задач государства называлось «содействие социальной и культурной адаптации мигрантов и совершенствование взаимодействия органов власти федерального и регионального уровня и местного самоуправления с институтами гражданского общества, содействующими адаптации и интеграции мигрантов». Еще одна новация заключалась в «признании правомочности» деятельности в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО)³.

Одним из институтов гражданского общества являются национально-культурные организации (НКО): общества, объединения, центры, фонды и др., деятельность которых регулируется Федеральным законом «Об общественных объединениях» (1995), создавать которые имеют право и неграждане. Само образование НКО было результатом взаимодействия гражданской инициативы и проектной

деятельности властей, а дальнейшее их развитие происходило в тесном сотрудничестве. Наиболее значимой из всех НКО является национально-культурная автономия (НКА), определяемая законодательно как общественная организация на этнической основе и как форма национально-культурного самоопределения и самоорганизации. Федеральный закон об НКА, принятый в 1996 г., имел целью отделить «меньшинства», с одной стороны, от «титульного населения», а с другой, – от «мигрантов». «Двусмысленные формулировки закона об НКА воспринимаются как дающие право органам власти оказывать содействие “автономиям”, но не как обязывающие их это делать»⁴.

С появлением массовых трудовых миграций в закон была внесена поправка (2014), позволяющая НКА осуществлять деятельность, направленную на «социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов»⁵. В Плане мероприятий по реализации Стратегии на 2013–2015 г. впервые предусматривалось оказание финансовой поддержки СО НКО, включая национально-культурные автономии (НКА), религиозные организации, молодежные объединения, реализующие проекты, направленные на адаптацию и интеграцию мигрантов⁶.

⁴ *Осипов А.* Национально-культурная автономия после СССР: символическая или инструментальная политика? // Политическая экспертиза: Политэксп. 2012. Т. 8. № 1. С. 203, 204.

⁵ Федеральный закон от 4 ноября 2014 г. № 336-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 4 Федерального закона “О национально-культурной автономии”» (<http://ivo.garant.ru/#/document/70781664/paragraph/1:0>).

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 1226-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации на 2013–2015 гг. Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации» (<https://docs.cntd.ru/document/499033904>).

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

² В 2018 г. был принят новый вариант «Концепции», разработанный МФД РФ.

³ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201212190001?rangeSize=10>).

В декабре 2014 г. социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов была введена в сферу деятельности СО НКО Федеральным законом «О некоммерческих организациях»⁷. С принятием этих законодательных и нормативно-правовых норм национально-культурные организации получили право участвовать в решении проблем, связанных с адаптацией и интеграцией мигрантов, хотя изначально были ориентированы лишь на решение сугубо этнокультурных задач. В связи с этим актуальной становится задача изучения сложившихся механизмов взаимодействия между государством и институтами гражданского общества, включая НКО, в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов.

Этими законами были закреплены особые взаимодействия органов власти и НКО, которые воспринимаются как инструмент «национальной политики», включая в отдельных случаях финансирование. За государственный счет содержатся Дома дружбы, на конкурсной основе или через систему грантов финансируются отдельные мероприятия, имеющие национально ориентированный характер. НКО обретают функции этнического представительства в городской общественной жизни, демонстрации «межнациональной дружбы и сотрудничества» в контексте государственной национальной политики. Наиболее распространенной формой такой активности являются фестивали «дружбы народов», Дни города с демонстрацией «национальных культур» и прочие массовые мероприятия. Этим демонстрируется существование в городе «диаспор» – организованных этнических групп, имеющих миграционное прошлое, как самостоятельных субъектов общественных взаимодействий. Повсеместно распространена практика создания общественных и (или) кон-

сультационных/координационных советов, включающих лидеров НКО, в государственных и муниципальных органах самоуправления.

Для лидеров и активистов НКО функция посредничества является важным статусным и материальным ресурсом, поэтому они заинтересованы в том, чтобы позиционировать свои добровольные, общественные и не очень многочисленные организации в качестве полномочных представителей «общины» или «диаспоры» – имплицитно подразумеваемой под этим совокупности представителей определенной национальности города. Борьба за этот ресурс ведется различными методами – начиная от регулярных расколов обществ и вплоть до криминальных разборок, как, например, расстрел всего руководства АзНКО «Бирлик» Иркутска прямо в помещении офиса в 2000 г.⁸

Существует широко распространенное мнение, что НКО, члены которых говорят на одном языке с мигрантами, вызывают естественное доверие со стороны мигрантов и поэтому являются именно теми организациями, куда мигранты обращаются в первую очередь за поддержкой в случае возникновения затруднений при оформлении разрешительных документов или правовой дискриминации. При этом и власть, и эксперты в мигрантах видят «этнофоров», а в НКО – «начальников» диаспор, которые обязаны «контролировать мигрантов, знать, сколько их здесь, кто чем дышит»⁹.

Другая точка зрения состоит в критической оценке роли НКО в содействии адаптации и интеграции мигрантов.

⁷ Гедвило Г. Культурные организации азербайджанцев в Иркутске. История формирования и место во внутриобщинных отношениях // Диаспоры. 2001. № 1. С. 148–160.

⁸ Калугина Г. Национально-культурные общества: посреднические и коммуникативные функции в городском сообществе (на примере Иркутска) // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 362.

⁷ Федеральный Закон «О некоммерческих организациях» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/).

Отмечается, что, как показывают многолетние исследования в сфере миграции в России, реально работающих со своими соотечественниками НКО немного и что трудовые мигранты ждут помощи «только от родных и близких», в особенности это касается трудовых мигрантов из Центральной Азии¹⁰. «Диаспоральные организации, нередко будучи формализованными клубами элит, претендуют на роль представителя всей совокупности мигрантов из определенной страны, однако таковыми не являются»¹¹. Представляя «национальную культуру» в региональных и городских культурных мероприятиях – фестивалях и днях «дружбы народов», в деятельности Домов дружбы народов и т. п., НКО выполняют интеграционные функции¹². «Проведение правительственными чиновниками круглых столов с участием национально-культурных объединений (НКО), привлечение таких НКО к работе региональных общественных палат и Общественной палаты РФ – весьма важно и нужно, но для интеграции и адаптации мигрантов такая работа малоэффективна»¹³.

Занимаясь организацией национальных мероприятий (праздников, дней национальной культуры и т. п.), большинство НКО не заинтересованы в работе по адаптации мигрантов¹⁴. Кроме того, отмечается, что руководители НКО нередко совмещают общественную и коммерче-

скую деятельность: «Отдельные диаспоральные объединения монетизируют свои возможности взаимодействия с местными властями, предоставляя мигрантам свои услуги по легализации за деньги. Такое положение дел только консервирует изолированное положение мигрантов в российском обществе и усложняет их первичную адаптацию и дальнейшую интеграцию»¹⁵ и представляет серьезный вызов для будущего развития России¹⁶.

Деятельность НКО, направленная на адаптацию и интеграцию мигрантов в российское общество, является предметом изучения многих российских исследователей (А. Г. Осипов, В. В. Степанов, Е. И. Филиппова, В. И. Дятлов, В. И. Мукомель, Д. В. Полетаев, А. В. Дмитриев, Г. А. Пядухов и др.)¹⁷. Но большин-

¹⁵ Полетаев Д. Указ. соч.

¹⁶ Бредникова О., Ткач О., Якимов А. Интеграция трудовых мигрантов и роль общественных организаций Санкт-Петербурга в этом процессе. Информационная брошюра. СПб.: ЦНСИ, 2015. С. 13–14; Полетаев Д. В. Указ. соч.

¹⁷ Осипов А. Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. – 508 с.; Осипов А. Г. Что в России означает понятие «регулирование миграции»? // Миграция и национальное государство / под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 15–45; Степанов В. В. Национально-культурная автономия как идея и правовая норма // Правовые аспекты этнических отношений. М.: Деловая столица, 2004. С. 91–117; Филиппова Е. И. Национально-культурная автономия: два десятилетия российского эксперимента // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. В 2-х т. / ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанов. Т. 1. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 83–86; Мукомель В. И. Диаспора – партнер по развитию. Душанбе, 2014. – 147 с.; Мукомель В. И. Диаспоры в России: молдавская и таджикская диаспора (сравнительный анализ) // Современные миграционные процессы: состояние и перспективы. Материалы международного научно-исследовательского семинара. Тирасполь, 17 декабря 2015 г. Кишинев: MOM, миссия в Москве, 2016. С. 2007–2010; Полетаев Д. В. «От недоверия к солидарности или новому недоверию? Миграционный опыт России в мировом контексте» // Валдайские записки. 2018. № 97. – 23 с.; Дмитриев А. В. Региональный социум: диаспоры и посредники в трудовой миграции / А. В. Дмитриев, Г. А. Пядухов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 3 (15). С. 66–74.

¹⁰ Полетаев Д. В. От недоверия к солидарности или к новому недоверию? Миграционный опыт России в мировом контексте // Валдайские записки. 2018. № 97 (chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefndmkaj/https://ru.valdaiclub.com/files/24405/).

¹¹ Варшавер Е. В., Рочева А. Интеграция мигрантов в контексте культурного разнообразия сообщества мигрантов в «этнических кафе» Москвы // Пути России, Альтернативы общественного развития. М.: Новое литературное объединение, 2015. С. 228.

¹² Бредникова О., Ткач О., Якимов А. Интеграция трудовых мигрантов и роль общественных организаций Санкт-Петербурга в этом процессе. Информационная брошюра. СПб.: ЦНСИ, 2015. С. 13–14.

¹³ Полетаев Д. В. Указ. соч.

¹⁴ Воронина Н. А. Законодательство об адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (83). С. 72, 79.

ство исследований в этой области фокусируется на материалах Москвы, Санкт-Петербурга и крупных городов европейской части России: Нижнего Новгорода, Волгограда, Перми и др. Ситуация за Уралом остается малоизученной. В числе авторов, исследующих деятельность НКО в сфере интеграции и адаптации мигрантов в Сибири, можно назвать работы В. И. Дятлова¹⁸; Г. В. Гедвило (Калугиной)¹⁹; И. В. Нам²⁰; В. С. Кашпура, И. Г. Поправко²¹, О. Н. Лукзена²².

В статье представлены результаты лонгитюдных исследований, проводимых в Томске и Иркутске, двух сибирских региональных центрах с развитой образовательной и научно-исследовательской инфраструктурой и промышленной базой. Этот выбор позволяет выявить или подтвердить региональным материалом некоторые общие процессы, связанные

с деятельностью НКО в России. Объектом исследования являлись НКО, созданные представителями самых многочисленных потоков мигрантов из государств Центральной Азии. В фокусе исследования были сюжеты взаимоотношений НКО, как одного из институтов гражданского общества, и региональных органов власти в контексте государственной миграционной политики. Нас интересовало, каким образом осуществляется взаимодействие органов власти и НКО в сфере адаптации и интеграции мигрантов и какую роль в этом играют НКО. Исследования проводились в 2010, 2016, 2018–2020, 2022 гг. как количественными (анкетный опрос), так и качественными (преимущественно) методами: включенное наблюдение и полужформализованные интервью с руководителями НКО, представителями областной и городской администрации, научного сообщества, а также с мигрантами. Исследования опирались также на комплекс собранных материалов (документация региональных и городских властей, консультативных советов по вопросам национально-культурных автономий при органах власти, общественных консультативных советов при ФМС, ликвидированной в 2016 г., общественных палат), на материалы печатных СМИ, сайтов, социальных сетей, а также наблюдения за периодически организуемыми встречами с «диаспорами» на уровне области и города.

Все НКО, представляющие выходцев из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана, имеют, как правило, по две параллельно существующие организации. В Томске – это НКА и не имеющие статус автономии НКО, в Иркутске – преимущественно НКО и только одна НКА – таджиков. Эксперты из числа муниципальных чиновников и руководителей НКО отмечают, что параллельные и конкурирующие между собой НКО образуются в первую очередь благодаря личностному фактору: «...за счет

¹⁸ Дятлов В. И. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликтов в регионе // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. Иркутск, 2005. С. 95–137.

¹⁹ Гедвило Г. Национальное объединение в сибирском городе: форма институционализации этничности и (или) инструмент политики властей // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. Иркутск, 2005. С. 153–165; Гедвило Г. Национально-культурные общества в Иркутске: как и зачем объединяются люди по национальному признаку // Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с принимающим обществом. М. – Иркутск: Наталис, 2007. С. 81–98; Калугина Г. Местная власть и трансформация дискурса национальной политики в постсоветскую эпоху. Случай Иркутска // Политика. 2010. № 2 (57).

²⁰ Нам И. В. Участие гражданского общества в адаптации мигрантов в Томской области // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 246–254; Нам И. В. «Новые» этнические группы (диаспоры) г. Томска // Вестник ТГУ. История. 2015. № 5. С. 33–43.

²¹ Кашпур В. С., Поправко И. Г. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (томский кейс) // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 354. С. 88–93.

²² Лукзен О. И. Ресурс и потенциал НКО как акторов политики социокультурной адаптации и интеграции мигрантов // Modern Science. 2021. № 2.1. С. 367–373 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44713283>).

открытой борьбы за лидерство (вновь приезжающая свежая кровь пытается устанавливать связи с госструктурами, формирует вокруг себя некое сообщество, противопоставляя его уже создавшемуся и устаканившемуся, конструирует (иногда весьма успешно) новые направления работы)» (С. Л., Иркутск, 2019). «Например, таджики Томска, была одна организация, приехал в Томск из Новосибирска М. и сразу же открыл свою организацию. Мотивация – “так проще делать свой личный бизнес”» (Р. А., Томск, 2019). «Это обычные личные устремления лидеров», «стремление к могуществу», «делают гипотетическую власть над диаспорой» (Р. А., Томск, 2019). «Процесс расщепления/деления НКО коснулся практически всего национально-культурного движения Иркутска (и старые, и молодые организации проходят этот путь): кому-то удалось договориться и не создавать новых НКО или держать в страхе всю общину под угрозой физического уничтожения потенциального конкурента за лидерство в национально-культурной организации; другие же, создав несколько организаций, договариваются объединиться в одну, причем зачастую они договариваются публично на собраниях, протоколы подписывают, но юридически не ликвидируют уже созданные организации, оставляя их про запас... они же чуть позже могут зажечь отдельной самостоятельной жизнью» (С. Л., Иркутск, 2019)²³.

Различий в сферах деятельности параллельных НКО, в сущности, нет, «каждый живет сам по себе», «делают одно и то же, ходят в одни и те же кабинеты» (Г. К., Иркутск, 2019). При этом «все пытаются выставить себя главными диаспорами в городе/регионе, делают по сути одно и то же дело: защита земляков, культурные мероприятия и т. д.» (Р. А., Томск, 2019).

²³ Дятлов В. И., Нам И. В. Национально-культурные организации в современном сибирском городе: проблема этнического представительства // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 4. Ч. 2. С. 481.

Характерный пример: развернувшаяся осенью 1918 г. борьба между руководителями таджикских организаций Томска за право представлять «диаспору» в общественном совете при Генеральном консуле Республики Таджикистан в Новосибирске²⁴.

Лидеры и активисты НКО оценивают свою деятельность в сфере оказания помощи мигрантам, как правило, в категориях выполнения общественного долга, требующего безвозмездной затраты сил, энергии и средств²⁵. Мигранты выступают чаще всего в качестве объекта помощи. Лидеры часто жалуются на равнодушное и потребительское отношение соотечественников к деятельности НКО. Из интервью руководителя азербайджанского НКО «Бирлик» в Иркутске (1999): «Эта организация нужна тем, кто приезжает сюда работать. Многие приехавшие не справились с трудностями, они все равно идут к нам, ко мне. Просят денег, помощи... Для работы с азербайджанцами здесь необходим председатель. Тогда все, кто идет к нам в частном порядке, будут обращаться к нему официально. Тогда у нас под контролем будут и наркоманы, и преступники. Мы же и так всех знаем, кто чем дышит. А при сильной, серьезной организации они все будут вынуждены обращаться именно туда»²⁶.

По словам лидеров кыргызской «диаспоры», основная цель НКА, согласно законодательству, – сохранение своей культуры, языка, идентичности, защита прав кыргызстанцев. С этой целью проводятся культурные мероприятия (Эль-Кудай, Шерине), День независимости Кыргызстана, дни кыргызской культуры,

²⁴ Там же. С. 481–482.

²⁵ Дятлов В. И. Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска) (chrome-extension://efaidnbmnnnibpccajpcgclcfefindmkaj/https://buk.irk.ru/exp_seminar/3/3_dyatlov.pdf).

²⁶ Калугина Г. В. Национально-культурные общества... С. 365.

а также спортивные мероприятия (футбол, волейбол). Вторая задача – помощь мигрантам, которые обращаются в автономию по разным вопросам (восстановление паспорта, студенческие проблемы, «подбираем юристов»). При НКА кыргызов существуют «Совет аксакалов» из числа авторитетных и состоятельных членов организации и коммерческая организация по организации миграционных услуг, директором которой является жена консула (Р. А., Томск, июнь 2022 г.). Во время пандемии НКА кыргызов и узбеков в Томске оказывали мигрантам и студентам посильную материальную поддержку и помощь с отъездом на родину. Особое мнение, оценивая роль НКА, выразил основатель НКА кыргызов, почетный консул Республики Кыргызстан в Томской области с 2017 г.: нужно разделять диаспоры, имея в виду всю этническую группу, и НКА, которые никого не контролируют. Мигранты в жизни НКА редко участвуют. Их не интересует «диаспора», как организованная группа. Главная их цель – работа и заработок (Р. А., Томск, июнь 2022 г.).

Эксперты по-разному определяют роль НКО в адаптации и интеграции мигрантов. Одни оценивают ее достаточно высоко: «Роль НКА в адаптации мигрантов, разумеется, очень высокая, потому что это непосредственно люди той же национальности... Трудовые мигранты, когда сюда приезжают, к представителям своей национальности у них гораздо больше доверия, они прислушиваются, кроме того, представители НКА уже адаптированы здесь и многие являются гражданами страны и региона не в первом поколении даже, и они выступают таким своеобразным мостом, который связывает вновь прибывших трудовых мигрантов с местным населением, способствует вовлечению и эффективной интеграции». Другие считают ее недостаточно эффективной: «Оценить деятельность НКА по интегра-

ции мигрантов очень сложно. Она, вроде бы, как и есть, но она такая, малоэффективная... Административно они эту задачу выполняют, но сущностно... они, по-моему, не выполняют, не справляются с ней»²⁷.

Учитывая неоднозначность оценок роли НКО в содействии адаптации, интеграции мигрантов, важно было выявить отношение самих мигрантов к НКО. Представление о спектре их оценок дают результаты анкетного опроса и глубинных интервью мигрантов из Центральной Азии, проведенных в Томске и Иркутске летом – осенью 2018 г., которые показали, что лишь малая часть трудовых мигрантов (15–20%) знает об НКО и посещает их мероприятия. Лишь незначительная часть опрошенных участвует в мероприятиях, проводимых НКО, объясняя это нехваткой времени на досуг: «Нет, у меня времени нет общаться, даже неинтересно» (муж., 23 г., 2018 г.). «Иногда только то, что в мечети проходит, а так на концерты, спортивные состязания друзья зовут, но по времени не всегда получается» (муж., 25 лет, 2018 г.). «Да, я слышала, но сама не была; многие ходят, я не хожу; те, кто официально на работе работает, у них выходные бывают, они ходят, в такие дни мы на работе на рынке, что-то я туда не хожу, не знаю» (жен., 40 лет, 2018 г.). Интересны здесь, прежде всего, сами оценки, их тональность и стилистика, их корреляция с результатами анкетного опроса. Показательно, что респонденты практически не употребляют в своих ответах официальных названий НКО, предпочитая говорить о «диаспорах» и «общинах», и не видят различий между НКА и «просто» национально-культурными организациями.

При этом лишь пятая часть ответивших получают поддержку НКО: «Но знаю, что диаспора помогает нашим соотечественникам с разными проблемами, если, конечно, ты обращаешься к ним за помо-

²⁷ Нам И. В. «Новые» этнические группы... С. 41.

щью... Я знаю, что и деньгами помогают... Они никогда не отказывают, делают все, что в их силах» (муж., 25 лет, 2018 г.). Назывались следующие источники, механизмы и формы оказываемой мигрантам помощи: «У нас для этого фонд есть, специально собирают деньги каждый район. У нас у каждого района свой старший, каждый район деньги собирает... Каждый месяц у нас 100 рублей. Это взнос... У нас есть волейбольная команда киргизская, есть футбольная... Для них мы покупаем спортивную экипировку, футбол-мячи... Есть девчонки, танцевальная группа. Им надо национальную одежду, вот это всё. Вот недавно, я тебе скажу, студентку одну, надо было в глазу операцию делать – 9200 нужно было срочно, мы отдали ей, и помогли... И ее оперировали. Все хорошо. И еще, груз 200 деньги собираем, где-то 10–15 тысяч» (муж., живет в Томске с 1989 г., 2018 г.).

Часть мигрантов считает, что НКО ничем не могут, да и не стремятся им помочь, не обращают внимания на конкретные проблемы своих соотечественников, ограничиваясь проведением разного рода мероприятий: «Но нет, я не вижу и не слышу, что они работают и решают что-то. Просто проводят соревнования, ездят в Красноярск, Новосибирск. Почему они должны поддерживать спортсменов, а не простых матерей-одиночек? Таких мам здесь очень много. А они делают показуху, а дети маленькие так растут. Они вообще не помогают решать проблемы матерей... Я этим недовольна вообще. Диаспору знать не знаю» (жен., парикмахер, 32 года, 2018 г.).

Некоторые информанты и вовсе негативно оценивают деятельность НКО, связывая это с оказанием ими платных услуг: «...они бизнесмены, они делают деньги на своих земляках. Это плохо – делать бизнес за счет бедных людей, которые приезжают сюда, чтобы заработать, берут деньги в долг. А диаспора еще больше

требует деньги за документы и крышу, что потом человек за бесплатно работает, потому что свои же обманули. Много случаев было, когда они забирают документы и не отдают, пока человек не работает. Я с ними раньше хорошо общался, а потом перестал, когда узнал об этом. Они сами между собой не могут договориться, только считают, что они лучше других» (муж., 50 лет, 12 лет живет в Томске, 2018 г.)²⁸. Как выяснилось из интервью, миграционные услуги некоторыми НКО оказываются не безвозмездно. В 2019 г. факты оказания платных услуг вскрылись в деятельности НКА узбеков в Томске, поэтому ее руководитель неожиданно для всех выехал из страны вместе с семьей. В 2021 г. обе узбекские НКО объединились в одну – НКА узбекской культуры «Дружба».

Таким образом, наши исследования в целом подтверждают результаты исследований, проведенных в Москве, Санкт-Петербурге и ряде других крупных городов, согласно которым большинство мигрантов никогда не слышали об официально зарегистрированных национальных организациях. Мигранты выступают в деятельности НКО не в качестве полноправного субъекта деятельности, а как объект покровительства со стороны глубоко интегрированной в местное общество этнической элиты (или слоя активистов, позиционирующих себя в таком качестве). Поэтому НКО вряд ли можно рассматривать как инструмент и ресурс адаптации и интеграции мигрантов. Основу их деятельности составляет возможность получить доступ к ресурсам, как символическим, так и материальным. Участие в общественных и консультативных советах, формальные и неформальные переговоры с представителями государственных и муниципальных структур

²⁸ Дятлов В. И., Нам И. В. Национально-культурные организации... С. 292.

открывают доступ в статусную городскую элиту. В свою очередь, это повышает их значимость в качестве посредников для мигрантов. В последние годы НКО стали совмещать общественную и коммерческую деятельность, создавая при организации коммерческие структуры.

Объяснение неоднозначности и противоречивости оценок роли НКО и других диаспоральных организаций в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов кроется в неопределенности и «размытости» их функций. Включение концептуальными нормативно-правовыми актами НКО в число институтов, с помощью которых органы власти надеются урегулировать процессы адап-

тации и интеграции мигрантов, не означает придания НКО реальных полномочий, обеспеченных финансовыми ресурсами, дающими возможность и право представлять и защищать интересы мигрантов, содействуя их интеграции в российское общество. Де-факто НКО воспринимаются властью и обществом как посредники между мигрантами и государством, но де-юре они не наделены необходимыми полномочиями для представительства и защиты интересов мигрантов, их адаптации и интеграции в принимающий социум и не оказывают реального влияния на государственную миграционную политику на федеральном и региональном уровнях.